

Елена Черникова

Любовь, или Четвертое измерение тройного портрета

Это создает ощущение чего-то смехотворного и в то же время нездешнего, постоянно таящегося где-то рядом, и тут уместно вспомнить, что разница между комической стороной вещей и их космической стороной зависит от одной свистящей согласной.

Владимир Набоков. «Николай Гоголь»

Золотую бульварную звездочку, сувенирного старичка в ослепительном белом пиджаке, добродушного павлинчика в белой шляпе с кокардой, его лукавенькое личико с громадным носом, улыбку чуть растерянную и всегда восторженную – спешите видеть! – как он танцует, топчась на месте, но щедро, будто полный коллектив, и всякий рад щелкнуться с фотомodelью, когда модели под восемьдесят, а он как солнечный трюфелек, сморщенный, но дорогой, и для него гремит оркестр в городском саду. Спешите: он может не доплясать на Дерибасовской до вашей старости, у него своя есть. Кино какое-то, подумала я.

«Смотри на него! Второй после бога!» – с одесским проникновением в человеческую душу объявил всему трамваю веселый лохматый гражданин в седых усах, первым глянувший в окно, и все пассажиры, не оборачиваясь, поняли, что застряли надолго: дорогу загородил грузовик, охламон за рулем которого пренебрег правилами движения и хорошего тона, ибо ездить по городу *вторым после бога* – дурной тон. Ясно.

Я не знала Одессы слишком долго и не предполагала потрясений. Совсем не знала. Ноль. Пиар Одессы в московском регионе застыл на «Ликвидации». Если бы не Бершин, решивший

а поехали к Волокину, и если б не Женя Волокин, уже трижды нас приветивший-приютивший, я бы до сего дня не знала, сколько столиц было в империи. Оказывается, история всегда таит в себе сюрпризы, и с ней можно пропасть в любой момент и в любом месте. В Одессе мне открылась ну если не вся, то наистыднейшая половина моего невежества. Как же: понаписав документальной прозы и всю голову продумав о России, наконец узнать, что летала на одном крыле, – конфуз. Сейчас буду выбираться. Помогите и не смейтесь.

...Здесь танцуют как-то не по-французски, то бишь не на костях какой-нибудь монархии. Все танцуют среди противоестественной в жаркой степи красоты – что твой Петергоф, с организованной водой, брызжущей сквозь золото. Петербург – та же заполошная мыслеформа (а подать-ка нам сюда все лучшее), но на холодной болотистой почве. И мужчина-строитель, царь. В Одессе те же архитектурные финтифлюшки, та же степень невероятности, но на горячей, соленой, южной земле, а конструктор – женщина, царица.

Да и Москву, невесть кем и когда возведенную над подземным морем, видишь в иной геометрии, если свяжешь водным узлом три точки, три города. Пояснение для одесситов: на глубине восьмисот метров *под* городом Москва есть море. Диггеры спускались, нарисовали, у меня есть репортажная картинка. Из моря по трубе вверх бьет вода, самая чистая морская вода на свете, а на поверхности стоит бассейн и водолечебница. Давно стоит. Я сама с восторгом плавала в бассейне с морской водой в центре Москвы, плавала долго, долго и наконец задалась вопросом, откуда здесь всегда чистая, душистая, первозданная морская вода. Ответшла у специалистов: там море подземное. Но мне никто не верит. И ладно. Я бы тоже не поверила, что Одесса город, а не дворколодец, говорящий на языке плавильного котла наций, если б не танцы со старичком на Дерибасовской. Я первые дни провела в ступоре, будто застряв туристским лицом в овальном вырезе фанеры «Одесса». Лишь чрезвычайное изумление могло довести меня до такого интересного положения. Турист – в моем лексиконе – слово бранное. Продышалась, вынула лицо и тоже заплясала на бульваре, придурочно вертя головой и поводя плечами.

Ничего не понимая. Родиться в России, прожить в ней полвека – и без Одессы. Как могло?

Теперь смотрит прозаик Черникова на мир Божий через Одессу и видит вдруг, что мир другой, нежели через Москву. Через фанеру Парижа, даже Дублина, – мир на удивление тот же, а через Одессу не тот же.

Начала читать все подряд. Не Бабеля. Вижу: пробиться сквозь поток патоки трудно. Одессу заласкали словами так, что будь она действительно женщиной, ее психика давно утратила бы связь с действительностью. Похоже, только *город*, мужская сторона приморской Евы, держит ее, как Адам, в рамках рая и вкуса. Опереточная Одесса, как киносьемочная кукла в декорациях, весело скалится и машет юбками, а сакральная, имперская, глубинная, как сами катакомбы, о которых все знают, но никто не видел вполне, а если видел, то не всякий вернулся назад, – тайная Одесса охраняется мужским началом в себе самой, поскольку прежде всего она *город*, мужчина.

Город и *прозаик* – существительные мужского рода, нарицательные, а *Одесса* и *Елена* – женского и собственные. Противотоки слились, энергии замкнулись, пошли по кругу, и постепенно проступила припрятанная история, любовная заначка русскости на изрядном расстоянии от мест, где ее принято искать и даже находить. Разлив образов и водопад чувств – опять вода, вода, короче говоря, – окатили неопитку, сделав безотчетно банальной. Сырость моих восторгов можно попробовать передать музыкой, но не «С одесского кичмана», а громадной туго оркестрованной симфонией «Турангалила» Оливье Мессиана, француза, собиравшего птичьего голоса. Что «Мурка»! Мы видели вокальное трио в кокошниках, округло и высокопрофессионально катившее по Дерибасовской *хава-нагилу*, чуть не выбивая при том вполне центрально-черноземные дробушечки. Кино, кино, кино.

Понять душу города-колодца, из которого черпали все, я не держу. Досада жжет, и возмущение волной: как могла я не знать, что настоящая Одесса не сборник блатных песен, а Южная Пальмира? Загадка. Если еще ляпну чушь – простите мне; неопиты все психованные и повторяются. Чтобы досыпать пепла на макушку,

воскликну: что же я за писатель такой русский, если, будто двоечник, прогуляла контрольную? Я ж отличница, медалистка...

И тут дружелюбный случай, помогая мне с экстернатом, подбросил ключи.

Первым информатором стал мужчина. Муж мой, Ефим Бершин, впервые прибыл в Одессу еще в 1954 году, а я впервые – в 2011. Потом в 2012, потом в 2013, и как зарядили мы вместе одессничать, так и не остановимся. Одесса наш перманентный медовый край. Подозреваю, что и Пушкин любвеобильный с тем же подъемом сил дышал одесским воздухом, в составе которого каждая вторая молекула – амброзия в газообразном состоянии. Не уверена, что любвеобильная Екатерина предполагала устроить этот город раем для поэтов и влюбленных, но ведь устроила, не промахнулась великая женщина.

Бершин, рожденный в Тирасполе, в 2005 году пропустил Одессу красной ниткой сквозь роман «Маски духа» (в первом кадре кони ржут на лестнице Оперы), а потом сообщил мне по секрету, что его родной дедушка по этой лестнице в гражданскую действительно скакал на коне вместе с Котовским. И мы пустились в абсолютно серьезные рассуждения о конях и оперных лестницах, ибо в городе моего рождения (Воронеж) тоже рассказывали о рывке легендарного Олеко Дундича верхом – по ступенькам. Дундич (по легенде, серб), чемпион австро-венгерской армии 1914 года среди унтер-офицеров по фехтованию, вступивший в Красную армию в 1917 году, – где в нее вступил? В Одессе. И помчался Дундич к славе – через Буденного и по Бабелю. Лестница чудит, всех ведет и всех поднимает. Тема лестницы в Одессе тоже перевертыш, поскольку Потемкинская – не *Потемкинская*, это кино, снова кино, где под декорацию спрятался дух, под город спрятался второй город из пустот, Одессу вынули из-под земли, вывернули, – Боже мой, так она, выходит, стоит вверх тормашками! Вот он, изначальный вывертыш, вот как истину-то припрятали, а на все прилавки вывалили сувениры. Москва тоже перевертыш, под нею не одно лишь море, а другой город, и ходить в него без поводырей тоже не следует.

Вторым информатором стала женщина, которую не увижу никогда, жаль, но говорить о ней буду где только смогу. Книга

Доротей Атлас «Старая Одесса. Ее друзья и недруги» упала мне в руки сама. Я не искала ее, поскольку не могла вообразить. Оказалось: у зацелованной и длинноногой, героической и хулиганской, многоязыкой и абсолютно русской Одессы, воспетой и коленапоклоненно, и панибратски, – могли быть недруги (изящно). У нее, оказывается, сызмальства были *свои* враги, великосветские снобы от патриотизма. Лютые, принципиальные, элегантно уклонившиеся от научного оборота. Они фыркали свысока, будто не красавица она благородной и чистой породы, а смазливая выскочка, пролезшая к монарху в фаворитки.

Вообразить, что порожденную стратегическим гением Великой Екатерины блистательную красавицу ругали, хотели бросить, подозревали в корысти, тормозили финансирование, описывали в неприязненных по тону и сюжетам мемуарах, письмах и, считай, доносах, – я не могла бы, когда бы не Доротей Генриховна. Надо бы переиздать ее книгу 1911 года. Я читала переиздание 1992 года, но и оно библиографическая редкость. А книгу Атлас как атлас здешнего мира школьникам надо давать к первому сентября. Как радикальное лекарство от стереотипизации мышления, а также против *сувениризации* прошлого.

Невместимая уму новость *о врагах* привела к размышлению о месте и роли *величия* как такового в русской истории. Раздумье привело к этому эссе. К чему приведет эссе, не знаю, оно же свободное, а запоздалые догадки о собственной родине порой опасны, как самодельный спуск в катакомбы. Мои догадки трудно изложить приличным штилем, покуда я в ярости.

Обычно я живу в социально-эмоциональном уединении, состоя в противоречии, даже противочувствии, с большинством современников-москвичей, особенно с интеллигенцией. Во-первых, мне хорошо. Я русская. Я испытываю этнический комфорт. Я выслушала всех, кто имел сообщить мне что-либо по национальной части. Это бессмысленная трата времени: отпугивать меня от русскости, в том числе от моей, – самоигральным фактом многокровья моего народа, кидаясь в меня засохлыми пирожками татарского нашествия или призывая попить из скандинавского копытца, чтобы Аленушка вместо братца Иванушки сама стала козленочком. Мы уже не в песочнице на прогулке с няней.

Одесса усиливает любовь до всеединства. Ты схвачен медом, ты в растворе, и прямо на Дерибасовской, где в первый же вечер тебе наяривают клезмерскую музыку, специфический продукт, ну ни капли русского, – ты слышишь музыку сфер. Оглушенный ударом космоса, не стесняясь очевидного перебора в эмоциях, раскачиваешься в такт, а вопрос жжет: почему, почему никто не говорит об Одессе правды? Почему в культуре зависла сувенирная лапша от концертной артели «Мурка, Япончик и партнеры»! Почему не пишут в красках, как хозяйственная немка, давшая империи город с аллюзивно-гомеровским именем, поставила его на карту, как на плиту, и сварила царский бульон в раскаленном котле, с приправами греческими, армянскими, еврейскими, молдавскими (вписать недостающее невозможно), поварятами взяла французов-итальянцев, – ну растипичнейший русский вышел город у матушки. Я не против. Только тут и понимаешь, какая чудо-губка прошла по берегу и все впитала, особенно пыль чванливой гомогенности.

Панславянский хор неодобрительно загудел мне в оба уха, что город Одесса, южнокаменный цветок России, был обречен, и его выдрали, зачистили с карты. Но – это во-вторых, – чем громче вой хранительства, тем безучастнее мое сердце. И я не только право имею, но обязана живописать свои чувства, поскольку и над центром моей родины висит опасность сувениризации, выхолащивания сути, глянцеваания витрины. Всем самобытным анклавам довлеет угроза быть упакованными в коробочки на продажу в лавке для зевак. Матрешки на Красной площади, трюхи на Арбате, свистульки лубочные – в специально отведенном месте я терплю как неизбежное зло экономики спроса и предложения. Но когда вся жизнь уходит в повсеместную ушанку или в тотальный блатняк – это форма зла, с которой надо сражаться.

Одесса, к счастью, держит свой калейдоскоп в своих руках, регулярно прикидываясь кадром из кино. В кошерном (еврейском) кафе на Нежинской девушка Маша (армянского происхождения), не подымая псевдоассирийских глаз, подает нам бразильский кофе и печалуется об украинском муже-моряке, ушедшем в дальнее плаванье на полгода, а поженились-то недавно. Простая-де уличная правда. Мы видели эту Машу. Она не матрешка в ушанке.

Кошерная армянка Маша – была вроде словарика «с одесского на русский», превосходно отводящая глаза от главного. Чтоб не замацали.

Одесса неотвратима для русской культуры любого этноса, и все там были, от Пушкина до наших дней, со своим всем, что в душе и в теле, всем там что-то дается, сообщается, уведомляется, а загадка нарастает, сакрализуется. Одесса сейчас вдруг стала городом фестивалей заезжей культуры. Русской. Все поехали: театры, поэты, певцы, танцоры. Так и жду научно-практических симпозиумов по физике-химии среди русскодумающих ученых. Тепло, солнышко, волна, девушки – все оттягивает, как компресс, от больных дум об ушедшей в свою метаисторическую одиссею метрополии. Временный вынос центра на периферию зрения? Нигде не вынесешь Россию из России, я пробовала, а в Одессе Россия как в командировке. Внутри юридической России – барьер, ибо субъект рефлексии спаян с объектом, – куда там плыть! Только умом отплывешь. А вот Одессе как факультативному конференц-залу, в котором не нужны переводчики, отдать свои мысли на инвентаризацию – удобно, даже гигиенично. Тут отдохнуть от себя, не уходя из себя, – естественно.

Загадка Одессы прекрасна, как любовь, но временную, приблизительную разгадку я нашла в ненависти к ней малоизвестных деятелей, записки которых воспроизведены в книге Доротей Атлас: то не там построили Одессу, то денег ей не давайте, то порто-франко запретите, то слишком европейский дух, то чересчур вавилонистый сброд, то начальники не те, – мозоль на сетчатке имперского глаза. Весь XIX век над Одессой висит туча. Пока Ланжерон мостит город брусчаткой, охранительные очи мостят Одессе незримый тракт в небытие. А потом выйдет какой-нибудь официальный патриот на покой и ну каяться, что погорячился. Кстати, я не знаю другой книги, аналогичной шедевру Доротей Атлас, о каком-нибудь ином строящемся городе, имевшем такое же стратегическое назначение для России. Скажем, Новосибирск, – он тоже на воде, на Оби, тоже центр, акцент на укрепление империи, транспортный аспект, – был ли кто, противившийся замыслу царя, да так бодро, чтобы докладные да скрежет зубовный!

Кстати, Николай Гарин-Михайловский («Детство Темы» помните?), построивший в Ново-Николаевске (впоследствии Новосибирск) знаменитый мост через Обь, познакомился со своей будущей женой – где бы вы думали? – в Одессе. И куда ни кинь, за какую жизнь ни возьмись – из тех, кто строил и приращивал Россию, – непременно зацепишь хоть один одесский эпизод. Видимо, у самой большой на свете работы – я говорю о строительстве России – были системообразующие алгоритмы, невидимые, как ангелы, проекция которых по ходу реализации мегазамысла и обернулась фантастической географической картой, где текут книги, как реки, а имперская культурная модель, овеществленная в Одессе (все языки вместе – и каждый уникальная ценность), до сего дня таинственно посверкивает сквозь время. Материально утвержденная в архитектуре города и его квартальной структуре, мистически эта модель недостижимо парит в надмирном пространстве, куда не достать ни геополитическими, ни интерпретационными снарядами. Одесса как одиссея империи в сторону моря.

В сторону любви, громыхая пустотой, бредет прозаик Елена по Пушкинской, вся в неловких озарениях типа «А ведь докультурные, доморальные отношения между людьми – не описаны!». Без осязательного перехода вспоминает белокурую бабенку в самолете на Одессу: «Ты чё! Не знаешь *комильфо*? Это когда не в тренде!». Подходит утомленный бегом и прыгом дум своих прозаик к винному магазину, а на стеклянной двери громадными буквами «Прохода к морю нет». И все кругом хохочет солнечно и посвистывает, как *свистящая согласная* Набокова, определяющая разницу между комической стороной вещей и их космической стороной.

Идет русский прозаик Елена домой, целует в благодарность за город Одесса еврейского мужа своего, а потом пишет неловкий тройной портрет, и прекрасно понимает, что не сказала одесситам, послушникам четвертого измерения, ничего нового. Разве что еще раз про любовь, которая способна все соединить и примирить, как Одесса.

Москва